

**«СВЯТАЯ ВЕРА ПОВЕЛЕВАЕТ МНЕ НЕ ОСТАВЛЯТЬ
ЧАСТЬ ПОДДАННЫХ ЛИШЕННЫМИ ИХ
ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРАВ»: ПРОБЛЕМА
ГРАЖДАНСКОГО СТАТУСА НЕКАТОЛИКОВ
ВО ФРАНЦИИ XVIII В.**

Л.А. Пименова

Знаменитая традиционная формула «один закон, одна вера, один король» (*une loi, une foi, un roi*) выражала присущую французской монархии тенденцию к централизации и унификации. В идеале все королевство должно было жить по единому закону, подчиняться одной власти и исповедовать одну религию. Конечно же, этот идеал был далек от действительности. Король действительно был один, но признать существование во Франции при Старом порядке одного для всех закона было бы трудно даже с очень большими оговорками. Разнообразие обычаев, языков и юридических норм дало повод О.Г. Мирабо назвать Францию «неорганизованным сборищем разобщенных народов»¹. Более того, политика королей и их министров далеко не всегда демонстрировала стремление достигнуть на практике установления единых законов для всех провинций и городов королевства. Во всяком случае, многообразие правовых систем, сохранявшееся вплоть до самой революции конца XVIII в., очевидно, мало смущало правителей страны, и они не пытались положить ему конец.

Что же касается веры, то положение дел в этой области на протяжении ста лет изменилось самым радикальным образом: от провозглашенного в 1685 г. единства веры до установления веротерпимости и признания гражданского статуса протестантского меньшинства в предреволюционные 1787-1788 гг. Так как король Франции почитался особой священной, наместником Бога на земле, а французская монархия – основанной на Божественном праве, то частный, на первый взгляд, вопрос о гражданском статусе протестантов оказывался тесно связанным с общими представлениями о принципах монархической власти. Политика по отношению к протестан-

Людмила Александровна Пименова – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Revel J. La région // Les lieux de mémoire. Т. 3. Pt. 1. P., 1992. P. 855.

там и осмысление этой политики самой правящей элитой Франции XVIII в. и составляют предмет данного очерка.

Формально после отмены в 1685 г. Людовиком XIV Нантского эдикта всем подданным французского короля полагалось исповедовать одну веру – католическую². В качестве одного из главных аргументов в пользу отмены Нантского эдикта выдвигалось, во-первых, утверждение, что все кальвинисты, или, согласно официальной терминологии, «так называемые реформаты» (*les prétendus réformés*) обратились в католицизм, и поэтому законы, гарантирующие их статус, больше не нужны. Во-вторых, в королевском эдикте, отменяющем Нантский эдикт, говорилось о необходимости стереть саму память о прежних религиозных распрях: «Мы теперь должны возблагодарить Бога, видя, что наши усилия достигли намеченной цели, ибо наилучшая и большая часть наших подданных из так называемых реформатов обратились в католическую веру; следовательно, исполнение Нантского эдикта и всех прочих распоряжений в пользу так называемой реформированной церкви стало бесполезным, и поэтому мы сочли, что ради того, чтобы полностью стереть память о волнениях, беспорядках и бедствиях в нашем королевстве, вызванных распространением этой ложной веры и послуживших поводом для данного эдикта и прочих эдиктов и деклараций, как предшествовавших ему, так и следовавших за ним, лучше всего будет полностью отменить означенный Нантский эдикт и принятые вслед за ним особые статьи, а также все, что было сделано с тех пор в пользу означенной религии»³. На этом основании реформатам запрещалось собираться для отправления культа, их детей предписывалось крестить по католическому обряду и давать им католическое воспитание, все существующие во Франции кальвинистские храмы следовало разрушить, а пасторам – покинуть страну в двухнедельный срок.

Впоследствии меры по искоренению кальвинизма ужесточились. Появился ряд законодательных актов, нацеленных на то, чтобы обращение бывших кальвинистов в католическую веру было полным и не носило формального характера. Декларация от 29 апреля 1686 г. устанавливала суровые наказания для новообращенных, которые на одре болезни отказывались принять последнее причастие у католического священника. Если больным удавалось поправиться, то мужчинам полагалось публичное по-

² Об истории отмены Нантского эдикта и последствиях этой акции см.: *Orcibal J.* Louis XIV et les protestants. P., 1951; *Vidal D.* Prédications et discours calvinistes en Languedoc après la révocation de l'édit de Nantes // *Revue Historique*. 1984. N 550. P. 281-310; *Garrisson-Estèbe J.* L'édit de Nantes et sa révocation: Histoire d'une intolérance. P., 1985; *Labrousse E.* "Une foi, une loi, un roi?" Essai sur la révocation de l'édit de Nantes. Genève, P., 1985; *La Révocation de l'édit de Nantes et le protestantisme français en 1685: Actes du colloque de Paris, 15-19 octobre 1985 / Publ. par R. Zuber et L. Theis.* P., 1986.

³ Édit portant révocation de l'édit de Nantes, Fontainebleau, octobre 1685 // *Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789 / Par MM. Jourdan, Decrusy, Isambert.* 29 vol. P., 1826-1829. T. 19. P. 531-532.

каание и пожизненная каторга с конфискацией имущества, а женщинам – публичное покаяние и тюремное заключение с конфискацией имущества. Если же больной умирал, то его имущество тоже следовало конфисковать, а тело бросить на свалку, предварительно подвергнув поруганию⁴. Декларация от 13 декабря 1698 г. запрещала новообращенным поддерживать сношения с протестантскими пасторами и обязывала их регулярно ходить к мессе, преклонять колени, соблюдать посты и воспитывать детей в католической вере⁵.

Изданная Людовиком XIV в последний год жизни декларация от 8 марта 1715 г. подтверждала все принятые прежде меры против новообращенных, отказывающихся принять у кюре последнее причастие. При этом оговаривалось, что для наказания виновных не требуется доказывать факт их перехода в католическую веру, так как «пребывание тех, кто принадлежал к так называемой реформированной вере или родился в семье реформатов, в нашем королевстве после того, как мы полностью отменили отправление означенной религии, есть более чем достаточное доказательство того, что они перешли в католическую, апостольскую и римскую веру, а иначе бы их здесь не сносили и не терпели»⁶. Таким образом, уже само проживание на французской территории должно было свидетельствовать о принадлежности к католической церкви. Принцип «одна вера – один король» восторжествовал. С тех пор официально протестантов во Франции как будто не существовало: предполагалось, что все подданные французского короля по определению были католиками⁷.

Официальная точка зрения, согласно которой Франция являлась полностью католической страной, нашла отражение в словарях и энциклопедиях XVIII в. Определения, данные приверженцам различных конфессий, создавали впечатление, что люди, исповедующие протестантизм, во Франции были прежде, в XVI в., а сейчас они живут только за границей: «немецкие протестанты»⁸; «*протестант, -ка*. Так в Германии называют тех, кто исповедует доктрину Лютера»⁹; «*гугенот, -отка*. Так именовали во Франции тех, кто исповедовал ересь Кальвина. [...] Так начали именовать

⁴ Edit portant révocation de l'édit... P. 545-546.

⁵ Recueil général des anciennes lois françaises. T. 20. P. 313-319.

⁶ « Le séjour que ceux qui ont été de la R.P.R., ou qui sont nés de parens religionnaires, ont fait dans notre royaume, depuis que nous y avons aboli toute exercice de ladite religion, est une preuve plus que suffisante qu'ils ont embrassé la R.C.A. et R., sans quoi ils n'y auroient pas été soufferts ni tolérés » (Ibid. P. 640).

⁷ Wells Ch.C. Law and Citizenship in Early Modern France. Baltimore, 1994.

⁸ Dictionnaire de l'Académie française. 2 vol. 1ère éd. P., 1694. T. 2. P. 337 ; 4ème éd. P., 1762. T. 2. P. 490.

⁹ Dictionnaire universel français et latin vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux. P., 1771. T. 7. P. 26 ; Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. 27. A Lauzanne et à Berne, 1780. P. 647.

французских кальвинистов с 1560 г.»¹⁰; «гугенот, - прозвище, которое католики дали протестантам-кальвинистам; но они не вкладывали в это слово подлинного смысла, который оно имело изначально»¹¹; «гугенотами прежде называли людей, исповедующих так называемую реформированную религию»¹²; «а также Реформой, или Так называемой реформой именуют изменение, которое еретики шестнадцатого века хотели внести в доктрину и в дисциплину Церкви»¹³, и т.д.

Реальное положение дел, разумеется, было иным: несмотря на массовую эмиграцию и немалое число обращений в католицизм протестантская община во Франции сохранилась. В Севеннах возродилась подпольная кальвинистская церковь, проводились церковные соборы. Оценки общей численности французских протестантов у разных авторов варьируются от 300 тысяч до 3 млн., но, по мнению большинства историков, в XVIII в. во Франции было более 500 тысяч протестантов, что составляло около 2 % населения страны¹⁴. Жили они преимущественно на Юге, в провинциях Дофине, Лангедок, Гасконь, Гийень и Сентонж, и в подавляющем большинстве это были крестьяне. Как показывают источники локального характера, резко сократившись и даже почти исчезнув после 1685 г., в XVIII в. гугенотские общины постепенно возрождались¹⁵. Так, в 1698 г. в «Памятной записке о лионском генеральстве» интендант А.-Ф. Ламбер д'Эрбиньи отмечал, что из 1000 гугенотов, проживавших в Лионе на момент отмены Нантского эдикта, к концу века не осталось ни одного человека: они либо обратились в католическую веру (интендант, правда, не строил иллюзий насчет этих обращений и сделал красноречивую ремарку: «в Лионе остались лишь 20 семей новообращенных, из них некоторые обратились по-настоящему»¹⁶), либо эмигрировали в Швейцарию, Голландию, Англию или Германию. В составленных в 1762 г. примечаниях к этой памя-

¹⁰ Dictionnaire universel français et latin vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux. T. 4. P. 893.

¹¹ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. 17. A Lauzanne et à Berne, 1779. P. 792.

¹² Dictionnaire de l'Académie française. 1ère éd. T. 1. P. 476.

¹³ Ibid. 4ème éd. T. 2. P. 566.

¹⁴ Poland B.C. French protestantism and the French revolution. A study in church and state, thought and religion, 1685-1815. Princeton, 1957. P. 8, 283-286; Van Kley D.K. The Religious Origins of the French Revolution: From Calvin to the Civil Constitution, 1560-1791. New-Haven; L., 1996. P. 3.

¹⁵ О распространении протестантизма среди крестьян провинции Пуату см.: Benoist A. Vie paysanne et protestantisme en Moyen-Poitou du XVIe siècle à la Révolution // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. T. 92. 1985. N 2.

¹⁶ «Il n'est demeuré à Lyon que 20 familles de nouveaux convertis, dont quelques uns le sont véritablement» (L'intendance de Lyonnais, Beaujolais, Forez en 1698 et en 1762 : Edition critique du mémoire rédigé par Lambert d'Herbigny et des observations et compléments de La Michodière / Sous la dir. de J.-P. Gutton. P., 1992. P. 119).

ной записке новый интендант Ж.-Б. Франсуа де Ла Мишодьер говорил уже о 150 протестантских семьях в Лионе¹⁷.

В самые первые годы царствования Людовика XV регент герцог Филипп Орлеанский, исходя из внешне- и внутривосточных интересов страны, намеревался прекратить преследования гугенотов и вернуть изгнанников во Францию. Об этом сообщал в своих мемуарах герцог де Сен-Симон: «Я никого не хочу обвинять в попытке внушить эту мысль Регенту, потому что мне так и не удалось узнать, откуда она у него возникла; но поскольку он постоянно стремился к тесному союзу с Голландией и особенно с Англией, то предположить нетрудно. Вернув их, он надеялся польстить морским державам, засвидетельствовать им свое самое глубокое уважение, дружбу, благосклонность и готовность пойти навстречу, а, кроме того, он рассчитывал быстро возродить королевство, сделать его богатым и процветающим»¹⁸.

Но если у регента и были такие намерения, они остались нереализованными. А вскоре декларацией от 14 мая 1724 г. недавно достигнувший совершеннолетия Людовик XV подтвердил все меры своего прадеда, принятые с целью «полностью истребить ересь в королевстве»¹⁹. Чтобы лишить подданных короля возможности заключать браки по протестантскому обряду, декларация запрещала новообращенным вступать в брак за границей без специального письменного на то разрешения под страхом пожизненной каторги для мужчин и пожизненного изгнания для женщин с конфискацией имущества²⁰. Активные преследования протестантов со стороны властей возобновились и продолжались, по крайней мере, до середины XVIII в.²¹

Но в середине века стало уже складываться общественное мнение в пользу веротерпимости, распространению которого немало способствовал «Трактат о веротерпимости» Вольтера (1763)²². Власти тоже не были чужды новым умонастроениям. Во второй половине XVIII в. суды фактически стали признавать законность браков, заключенных по протестантскому обряду. В 1755 г. провинциальный парламент Экс-ан-Прованса выдвинул ар-

¹⁷ «Число так называемых реформатов в Лионе крайне незначительно, хотя публика на сей счет думает иначе. Проведя разного рода исследования, я обнаружил только 150 протестантских семей, и все они родом из Швейцарии, Женевы или Германии» (Ibid. P. 120).

¹⁸ *Saint-Simon L., duc de. Mémoires / Publ. par A. de Boislisle. P., 1879-1930. T. 30. P. 142.*

¹⁹ «D'êteindre entièrement l'hérésie dans son royaume». - Recueil général des anciennes lois françaises. T. 21. P. 261.

²⁰ Ibid. P. 269.

²¹ О положении протестантов во Франции в XVIII в. см.: *Poland B.C. Op. cit.; Histoire des Protestants en France / Publ. par R. Mandrou. Toulouse, 1977 ; Garrisson-Estèbe J. Protestants du Midi. Toulouse, 1980.*

²² Об общественном мнении по протестантскому вопросу см.: *Adams G. The Huguenots and French Public Opinion, 1685-1789. Waterloo (Ontario), 1991.*

гументы в пользу легализации гражданского статуса протестантов, предложив отделить брак как договор между гражданами от церковного таинства. В таком случае король, наделенный верховной светской властью, мог бы поручить своим судьям вести регистрацию протестантских браков и рождений. Историки обычно рассматривают такого рода аргументацию и соответствующую ей юридическую практику как проявления десакрализации монархии, так как здесь четко разграничиваются сферы сакрального и профанного, а власть короля удаляется из сферы сакрального и рассматривается как исключительно светская²³. Не случайно поначалу эти идеи зародились и получили развитие именно в парламентах, которые к середине века превратились в очаг политической оппозиции и разрабатывали концепции ограниченной монархии. Но и министры короля тоже склонялись в пользу веротерпимости.

В 1764 г. государственный секретарь Королевского дома Л. Фелипо де Сен-Флорантен, в ведении которого находились все церковные дела, поручил адвокату Жильберу де Вуазену подготовить проект легализации статуса протестантов, хотя дальше этого в царствование Людовика XV дело не продвинулось²⁴.

Двадцать лет спустя, в период подготовки к коронации Людовика XVI генеральный контролер финансов А.-Р.-Ж. Тюрго предложил королю существенно упростить саму церемонию коронации и изменить тексты пяти клятв, произносимых в ходе нее королем (обязательства перед Церковью, Королевской клятвы, клятвы Великого магистра Ордена Святого Духа, клятвы Великого магистра Ордена Святого Людовика и клятвы соблюдать эдикты против дуэлей). Одним из мотивов, которыми руководствовался просвещенный министр, было намерение убрать все фразы, отмеченные религиозной нетерпимостью. Предложенные им версии клятв, которые, в конечном счете, были отвергнуты королем, отличались несравненно более светским языком, из них были убраны все ссылки на католическую, апостольскую и римскую веру. Из текста Королевской клятвы Тюрго предлагал удалить обещание «искоренить на всех подвластных мне землях еретиков, осужденных Церковью»²⁵. Особенно отчетливо стремление Тюрго

²³ *Julia D.* Les deux puissances: chronique d'une séparation de corps // *The French Revolution and the creation of modern political culture. Vol. 1. The Political Culture of the Old Regime* / Ed. by K.M. Baker. Oxford, 1987; *Merrick J.W.* The Desacralization of the French Monarchy in the Eighteenth Century. Louisiana State Univ. Press, 1990. P. 27-48, 149-151; *Van Kley D.K.* Op. cit. P. 164-165.

²⁴ Вуазен умер в 1769 г., успев по указанию министра составить памятную записку, которая была опубликована лишь в 1787 г. См.: *Poland B.C.* Op. cit. P. 75.

²⁵ *Journal historique du sacre et du couronnement de Louis XVI, Roi de France et de Navarre* // Le sacre et couronnement de Louis XVI, Roi de France et de Navarre, dans l'Eglise de Reims, le 11 juin 1775; précédé de recherches sur le sacre des Rois de France, depuis Clovis jusqu'à Louis XVI; et suivi d'un journal historique de ce qui s'est passé à cette auguste cérémonie. P., 1989. P. 51-52.

выразить идею веротерпимости видно на примере обязательства перед Церковью, которое в традиционной формулировке, произнесенной Людовиком XVI во время коронации 11 июня 1775 г., звучало так: «Я обещаю хранить каждому из вас²⁶ и вверенным вам Церквам канонические привилегии, права и юрисдикцию, коими вы пользуетесь, беречь вас и защищать, по мере моих сил и с Божьей помощью, ибо долг Короля – беречь в своем Королевстве каждого Епископа и Церковь, переданную на его попечение»²⁷. Тюрго предложил заменить это лаконичной фразой: «Все Церкви в Королевстве должны рассчитывать на мои покровительство и правосудие»²⁸. Слово «Церкви» (во множественном числе) в двух текстах имеет разный смысл. В первом случае речь явно идет о епархиях, подведомственных епископам католической церкви. Текст, составленный Тюрго, скорее, можно понять как обещание высочайшего покровительства всем религиозным конфессиям, существующим во французском королевстве. Смысл клятвы при таком ее истолковании полностью менялся: обещание хранить канонические привилегии католической Церкви превращалось в провозглашение принципа терпимости и равенства культов.

Весной 1775 г. во время «мучной войны» Тюрго рассылал циркуляры приходским кюре, с тем чтобы в проповедях они призывали народ к порядку. Подобные циркуляры были разосланы и протестантским пасторам, что означало фактическое признание правительством существования поданных-кальвинистов²⁹. Занимавший в 1775-1776 гг. пост государственного секретаря Королевского дома К.-Г. де Ламуаньон де Мальзерб начал собирать документы по протестантскому вопросу для подготовки закона об их гражданском статусе, но за десять месяцев своего министерства не успел довести дело до конца³⁰.

В то же время, во Франции проживала довольно многочисленная протестантская община, имевшая легальный статус и никак не ущемленная в своих правах. Речь идет о 200 тысячах эльзасских лютеран. Они получили свободу вероисповедания и отправления культа на основании Вестфальских мирных договоров 1648 г., гарантом которых являлась Франция. Со времени присоединения Эльзаса к Франции равноправие католиков и лютеран составляло привилегию этой провинции. Когда в 1781 г. праздновалось столетие капитуляции Страсбурга и его подчинения Людовику XIV, частью официальных торжеств, согласно обычаю, стало бракосочетание девушек из народа за счет городского магистрата, - при этом их мужья по-

²⁶ Имелись в виду французские епископы, перед которыми произносилась клятва.

²⁷ *Journal historique du sacre et du couronnement de Louis XVI*. P. 51.

²⁸ « Toutes les Eglises de mon Royaume doivent compter sur ma protection et sur ma justice » (*Oeuvres de Turgot et documents le concernant. Avec biographie et notes / Par G. Schelle*. 5 vol. P., 1913-1923. T. 4. P. 551).

²⁹ *Poland B.C.* Op. cit. P.62.

³⁰ О действиях Мальзерба в пользу протестантов в период его министерства см.: *Grosclaude P. Malesherbes: Témoin et interprète de son temps*. P., 1961. P. 373-387.

лучали статус и права страсбургских буржуа (*le droit de bourgeoisie*). В Страсбурге по такому случаю осчастливили 20 девушек, поровну из католических и протестантских семей: 10 венчались в католическом кафедральном соборе, а другие 10 – в лютеранской кирхе³¹. Так было продемонстрировано единение и равноправие католиков и лютеран Эльзаса.

Но эльзасские лютеране находились на особом положении. Что же касается кальвинистского населения, то урегулированием его гражданского статуса правительство вплотную занялось в 1780-е гг. Среди министров выявились разные подходы к решению вопроса о статусе протестантов.

Мальзерб, который в тот период не занимал государственных постов, принимал, тем не менее, самое живое участие в подготовке задуманной реформы, работая в тесном контакте с возглавлявшим секретариат Королевского дома Л.-Ш.-О. Ле Тоннелье, бароном де Бретеем, в компетенцию которого в числе прочих входили дела, касающиеся протестантской религии. В решении протестантского вопроса Мальзерб во главу угла ставил защиту естественных прав человека, к числу которых он относил свободу вероисповедания. Его позиция нашла отражение в двух памятных записках о протестантских браках, составленных в 1785 и 1786 гг. при помощи служащего секретариата Иностранных дел К.-К. де Рюльера, предоставившего в распоряжение Мальзерба необходимые ему архивы.

Целью первой из них было убедить набожного и уважающего традиции короля в том, что предоставление гражданского статуса протестантам не будет идти вразрез с политикой Людовика XIV в этом вопросе. В записке Мальзерб выдвинул целый ряд утилитаристских, моральных и исторических аргументов в пользу веротерпимости. Вред нынешней ситуации, по его мнению, заключался в том, что вынужденная эмиграция гугенотов наносила ущерб торговле и промышленности и при этом порождала массовое недовольство в королевстве. Министр утверждал, что протестантов в стране оставалось не меньше, чем было до 1685 г., и если уж Людовику XIV не удалось насильно обратить их в католицизм, то это не выйдет ни у кого. Кроме того, по словам Мальзерба, Людовик XIV вовсе не собирался лишать часть своих подданных их естественных прав, и его просто неверно поняли. Впоследствии же он отступил от своих замыслов под влиянием духовенства, убедившего короля в том, что можно легко и быстро полностью искоренить ересь³².

Вторая памятная записка Мальзерба начиналась с изложения трех «фундаментальных принципов», на которых должно основываться новое законодательство. Это, во-первых, необходимость дать протестантам гражданский статус и равные с другими подданными короля права, во-вторых, недопустимость смешения религии с политикой (по словам Маль-

³¹ *Mémoires de la baronne d'Oberkirch, sur la cour de Louis XVI et la société française avant 1789* / Ed. présentée et annotée par S. Burkard. P., 2000 (1970 ; 1989). P. 175-177.

³² *Malsherbes C.-G. de. Mémoire sur le mariage des protestans*. S.l., 1785. P. 6-7.

зерба, «еретики должны быть лишь сектой в церкви, а не партией в государстве») ³³ и, в-третьих, привлечение еретиков в лоно католической церкви исключительно методом убеждения. Предлагаемый им закон имел целью «не допустить, чтобы протестанты составили во Франции особую корпорацию» ³⁴. «Для достижения этого было бы желательно, - предлагал Мальзерб, - чтобы не осталось никаких внешних различий между ними и Католиками и чтобы статус всех подданных Короля, какую бы веру они ни исповедовали, регистрировался бы одними и теми же государственными служащими в одних и тех же книгах» ³⁵. То есть Мальзерб предусматривал передать регистрацию актов гражданского состояния из рук церкви в ведение государства. Он вполне разделял в данном вопросе позицию, занятую ранее парламентом Экс-ан-Прованса, утверждая, что брачное законодательство - «это не только законы Церкви, но и законы Королевства, законы о гражданских обязательствах, изданные светской властью. Всякий подданный Короля, какую бы религию он ни исповедовал, обязан им подчиняться» ³⁶. Мальзерб особо подчеркивал, что, говоря о не католиках, он имел в виду не только кальвинистов, но и лютеран, анабаптистов, евреев и приезжающих во Францию иностранцев, среди которых могут оказаться представители любой возможной религии ³⁷.

Таким образом, Мальзерб, будучи человеком нерелигиозным, последовательно придерживался принципа разграничения компетенций церкви и светского государства. Это соотносилось с его общими представлениями о монархии, которую он считал формой государственного устройства, созданной людьми путем общественного договора, а не божественным установлением. В 1788 г. он выскажется об этом вполне определенно: «Суверен есть постоянный представитель Нации [...]. Король не имеет власти кроме той, что доверена ему Нацией» ³⁸. Монархия, согласно Мальзербу, должна уважать естественные права подданных, том числе право на свободу совести, и обеспечить им всем гражданский статус независимо от вероисповедания.

³³ «Les Hérétiques ne doivent être qu'une Secte dans l'Eglise, et non un parti dans l'Etat». - Malesherbes, le pouvoir et les Lumières / Textes réunis et présentés par M. Wyrwa. P., 1989. P. 113.

³⁴ «De ne point faire des Protestants un corps particulier en France». - Ibid. P. 120.

³⁵ «Pour y parvenir, il serait à désirer qu'on pût ne laisser aucune différence extérieure entre eux et les Catholiques, et que l'état de tous les sujets du Roi, de quelque religion qu'ils soient, fût constaté par les mêmes officiers et dans les mêmes registres ». - Ibid. P. 115.

³⁶ «Ces lois ne sont pas seulement des lois de l'Eglise, ce sont des lois du Royaume, des lois faites par la puissance temporelle sur l'engagement civil. Tout sujet du Roi, de quelque religion qu'il soit doit y être soumis». - Ibid. P. 119.

³⁷ Ibid. P. 113-120.

³⁸ «Le souverain est le représentant perpétuel de la Nation [...]. La puissance du Roi n'est que celle que la Nation lui a conférée». - Malesherbes, le pouvoir et les Lumières. P. 12.

Идеи Мальзербба поддерживал Э.-Ш. де Ломени де Бриенн, с 1763 г. архиепископ Тулузский, а с 1787 г. – архиепископ Санский, глава Королевского финансового совета и первый министр. Еще с молодых лет он, по свидетельству близко его знавшего современника, исповедовал принцип гражданской веротерпимости (*la tolérance civile*) и утверждал, что, хотя единственно истинной является католическая вера и вне церкви нет спасения, но, тем не менее, королю следует дать своим подданным полную свободу культов и ни в чем не ущемлять прав иноверцев³⁹.

В октябре 1786 г. на основе работ Мальзербба барон де Бретей представил королю доклад о положении кальвинистов во Франции. В докладе повторялась основная аргументация Мальзербба в пользу предоставления им гражданского статуса: такая мера нисколько не противоречит политике Людовика XIV, попытки насильственного обращения протестантов в католицизм заведомо обречены на провал, а нынешнее положение наносит вред интересам государства. По словам де Бретей, Людовик XIV успешно обращал кальвинистов в католическую веру, пока действовал не торопясь и методом убеждения. Впоследствии насильственные методы доказали свою безрезультатность: число кальвинистов в стране нисколько не уменьшилось. Де Бретей полагал, что в 1780-е годы они составляли свыше миллиона человек, или двадцатую часть французского населения⁴⁰. Лишенные гражданских прав, эти люди, тем не менее, добросовестно исполняли свой гражданский долг: «Среди них есть коммерсанты, земледельцы, солдаты; они платят налоги; их направляют на общественные работы, набирают в ополчение, посылают служить на флот; немногочисленные оставшиеся среди них дворяне живут в своих владениях, в молодости служат королю и имеют обыкновение оставлять службу до того, как придет время получить крест Святого Людовика. Некоторые остаются, не испрашивая для себя этого знака отличия. Все члены их секты продолжают, таким образом, целиком исполнять обязанности граждан и подданных, тогда как враждебное им законодательство не позволяет включать ни в какие акты гражданской жизни записи об их рождении, браке и погребении, и они оказываются более чем вычеркнутыми из рядов граждан»⁴¹. По утверждению де Бретей, вред такого положения совершенно очевиден: «Даже защитники нетерпимости не могут не признать, что гражданская смерть столь большого числа подданных короля наносит ущерб интересам его королевства, чести его правления, росту населения, мануфактур и торговли,

³⁹ *Morellet, abbé A. Mémoires de l'abbé Morellet sur le dix-huitième siècle et sur la Révolution / Présenté par J.-P. Guicciardi. P., 1988. P. 60-62.*

⁴⁰ *Breteuil, baron de. Mémoire, ou Rapport général sur la situation des calvinistes en France, sur les causes de cette situation, et sur les moyens d'y remédier // Rulhière C.-C. de. Oeuvres de Rulhière, de l'Académie française. 2 vol. T. 1. P., 1819. P. 277, 338.*

⁴¹ *Ibid. P.278-279.*

безопасности государства, порядку в наследовании имущества и всему гражданскому порядку в целом»⁴².

Единственным возражением против предоставления гражданского статуса протестантам, по мнению министра, могло бы быть то, что эта мера бросит тень на политику Людовика XIV. Но такое возражение несостоятельно, потому что планы великого короля в отношении протестантов неоднократно менялись. Де Бретей критически оценивал ряд мер Людовика XIV в отношении протестантов, хотя и подчеркивал всякий раз, что ответственность за неверные действия лежит не на самом короле, а на его министрах или духовенстве. В его политике де Бретей обнаруживал два сменявших друг друга взаимоисключающих подхода: то верх брало намерение как можно быстрее обратить всех в католицизм, то целью было обратить их по-настоящему. Когда правительство стремилось во что бы то ни стало увеличить число новообращенных, духовенство беспрепятственно принимало их в лоно католической церкви. Если же духовенство начинало подходить к обращениям кальвинистов в католицизм со всей строгостью, то правительство мирилось с существованием в стране протестантов и проявляло к ним терпимость.

Ныне действующие законы, принятые в 1724 г., по оценке де Бретей, «представляют собой не что иное, как несвязную компиляцию из сменявших друг друга предшествующих законов»⁴³. Ответственность за это законодательство де Бретей целиком возлагал на герцога де Бурбона, занимавшего пост первого министра при юном Людовике XV. Ошибка его, по мнению де Бретей, заключалась в том, что он механически соединил оба подхода, чередовавшихся в политике Людовика XIV. С одной стороны, правительство теперь отрицало само существование реформатов в стране и считало, что все уже обратилось в католицизм, а, с другой стороны, духовенство не признавало многих новообращенных католиками и не допускало их к таинствам. В результате сложилась ситуация, которой не было при Людовике XIV: значительная часть подданных короля была отвергнута как государством, так и церковью и с юридической точки зрения оказалась как бы несуществующей.

Единственно правильный выход де Бретей видел в том, чтобы последовать предложению Мальзерб и ввести государственную регистрацию актов гражданского состояния, и добавлял к этому: «Я скажу только, что право вести запись актов гражданского состояния в реестрах рождений, браков и смертей принадлежит гражданской юрисдикции; и если французское духовенство осуществляет это право, то лишь по доброй воле прави-

⁴² Ibid. P.280.

⁴³ «Ne sont autre chose qu'une compilation incohérente de ces lois antérieures, substituées les unes aux autres». - Ibid. P. 282.

тельства»⁴⁴. Прообраз этой справедливой и необходимой меры де Бретей опять-таки находит в политике Людовика XIV, который за месяц до отмены Нантского эдикта издал постановления о порядке проведения протестантских браков, крестин и похорон; согласно его постановлениям, запись актов в таких случаях полагалось вести в канцеляриях судов⁴⁵. К обсуждению нового закона, как полагал министр, не следует привлекать духовенство, так как «отныне это дело касается только королевской власти»⁴⁶.

Позиция де Бретей во многом близка той, которую отстаивал Мальзерб, но в ней есть и заметное отличие. Если целью Мальзерба является, в первую очередь, защита попранных прав граждан, то предложения де Бретей направлены на усиление государства за счет передачи в его ведение регистрации актов гражданского состояния, ранее находившихся в компетенции церкви. В рассуждениях де Бретей королевская власть тоже выглядит «десакрализованной», то есть светской, но это отнюдь не означает ее умаления. Напротив, предлагаемые им меры подразумевают усиление власти короля за счет вытеснения церкви из публичного пространства в частное. Проект де Бретей – это своего рода французский вариант «просвещенного деспотизма».

Наконец, среди министров были и те, кто стоял на позиции безоговорочной защиты исключительных привилегий католической церкви. В ноябре 1786 г., после того как де Бретей представил доклад об урегулировании статуса протестантов, хранитель печатей А.-Т. Ю де Миромениль написал королю, что принять предложенный закон означало бы «допустить несколько различных культов в вашем Королевстве», тогда как «крайне необходимо», напротив, укреплять католическую религию. «Если станет безразлично, кем быть, католиком или протестантом, то при нынешнем состоянии нравов многие люди, не колеблясь, выберут то, что им удобнее»⁴⁷.

Единомышленником Миромениля был государственный секретарь иностранных дел Ш. Гравье, граф де Верженн. Протестантский вопрос не относился к делам его ведомства, так что он не подавал королю записок или докладов на сей счет. Однако некоторые соображения, высказанные им в более раннее время и в другой связи, позволяют судить о его позиции. Так, весной 1781 г. Верженн выступил с резкой критикой деятельности генерального директора финансов Ж. Неккера. Казалось бы, предмет тогдашних споров был весьма далек от религиозных вопросов, но характер выдвинутых Верженном обвинений раскрывает его отношение к протес-

⁴⁴ «Je dirai seulement que le droit de constater l'état des citoyens par les registres des naissances, des mariages et des morts, appartient à la juridiction civile ; que si le clergé français participe à ce droit, c'est par une faveur gratuite du gouvernement». - Ibid. P. 298.

⁴⁵ Ibid. P. 296-297.

⁴⁶ «Désormais cette affaire ne regarde que la seule autorité du roi». - Ibid. P.347.

⁴⁷ Цит. по: *Egret J. La Pré-révolution française (1787-1788)*. P., 1962. P. 134.

тантизму. В своей докладной записке королю Верженн обвинял главу финансового ведомства в погоне за дешевой популярностью, англomanии, пренебрежении интересами короля и традициями французской монархии. По его мнению, трудно было бы ожидать чего-то другого от иностранца, республиканца и протестанта. Обращаясь в поисках аргументов к событиям прошлого, он вспоминал Религиозные войны, Фронду и финансовую систему Дж. Лоу и доказывал, что оказавшиеся во французском правительстве иностранцы всегда являлись авантюристами, игравшими пагубную роль в истории страны: «В нашей истории еще не было ни одного переворота, ни одного другого пагубного события, которое не было бы вызвано опасными принципами, привнесенными в государство чуждыми нашим нравам людьми, которые слишком часто в силу амбиций и интриг брали бразды правления в вашем августейшем доме»⁴⁸. Результатами этого стали войны Лиги, убийства двух королей, затем Фронда и эксперименты Лоу, потрясшие финансовую систему Франции. Что же касается Неккера, то осуществление его замыслов, по словам Верженна, было бы для французской монархии страшнее, чем Лига, Фронда и система Лоу вместе взятые: «По примеру Лоу, Мазарини и лотарингских принцев г-н Неккер со своими женеvско-протестантскими планами готов установить во Франции систему в финансах, лигу в государстве и фронду против существующей администрации. Систему, которая нарушает имущественный порядок, источник благосостояния государства; лигу, которая поднимает три сословия государства друг против друга; и фронду, которая объединит все три сословия против административной власти, сделавшей их довольными и послушными. Характер жителей Франции таков, что им необходимо проповедовать государственную религию, чтобы заслужить подчинение народа и доверие грандов»⁴⁹. Таким образом, в аргументации Верженна иностранец, республиканец и протестант – характеристики, тесно друг с

⁴⁸ “Il n’est aucune révolution dans notre histoire, ni aucun évènement mémorable, qui ne doivent leur caractère pernicieux, aux principes dangereux introduits dans l’état par des hommes étrangers à nos moeurs, que l’ambition et l’intrigue conduisirent trop souvent jusqu’au timon des affaires de votre auguste maison”. – *Vergennes Ch. de. Observations remises à Louis XVI et par ses ordres, le 3 mai 1781, sur l’esprit du compte rendu relativement à la constitution de l’état, et sur le caractère de son auteur, considéré comme étranger par sa naissance, par ses opinions et par ses moeurs, à l’administration des finances de France // Soulavie J.L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI, depuis son mariage jusqu’à sa mort. T. 4. P., 1801. P. 150.*

⁴⁹ «A l’exemple de Law, de Mazarin, et des princes lorrains, M. Necker avec ses plans genevois et protestans, est tout prêt pour établir en France un système dans la finance, ou une ligue dans l’état, ou une fronde contre l’administration établie. *Un système* qui renverse l’ordre des propriétés, source des richesses de l’état; *une ligue* qui soulève les trois ordres de l’état les uns contre les autres; ou *une fronde* qui les réunira tous les trois contre la puissance administrative qui les avait fait contents et dociles. En France, tel est le caractère des habitans, qu’il est nécessaire d’y professer la religion de l’état, pour mériter la soumission des peuples et la confiance des grands». - Ibid. P. 154.

другом связанные и обозначающие человека, чуждого и враждебного французской монархии, французской религии и Франции вообще.

Выявленные разногласия по протестантскому вопросу проливают дополнительный свет на характер соперничества между придворно-министерскими группировками в 1780-е годы. Самые общие сведения об этих группировках содержатся в мемуарах генерал-лейтенанта парижской полиции Ж.-Ш.-П. Лемуара. Рассказывая о принятых в конце 1781 г. по инициативе хранителя печатей Миромениля новых регламентах, касающихся издательского дела, и о вызванных этими мерами разногласиях в правительстве, Лемуар отметил: «Тогда открыто нападали на его [Миромениля] законодательство и принципы. По этой и по другим причинам произошел раскол между всеми министрами: одни, и в частности г-н де Верженн, присоединились к хранителю печатей и образовали партию, которую называли партией Короля. Другие, прежде всего гг. де Сегюр и де Бретей, принадлежали, как считалось, к партии Королевы»⁵⁰. Упомянувшийся выше архиепископ Ломени де Бриенн тоже был известен как человек из «партии королевы»⁵¹. Позиции, занятые министрами во время обсуждения протестантского вопроса, свидетельствуют о принципиальных идейных расхождениях между прокатолически настроенными традиционалистами из «партии короля» (Миромениль, Верженн) и сторонниками веротерпимости и светского государства из «партии королевы» (барон де Бретей, Ломени де Бриенн).

В целом, в парижском обществе и среди французской аристократии сторонники веротерпимости не были в большинстве, но они проявили исключительную активность в отстаивании своей позиции⁵². В феврале 1787 г. по предложению советника Р. де Сен-Венсана Парижский парламент обратился к королю с просьбой «обдумать в мудрости своей наивернейшие способы дать гражданский статус Протестантам»⁵³. Через несколько недель со стороны заседавшего в это время собрания нотаблей прозвучал аналогичный призыв, составленный по инициативе герцога де

⁵⁰ «On combattit alors ouvertement sa législation et ses principes. Cette cause et d'autres encore firent éclater la division entre tous les ministres: les uns, et particulièrement M. de Vergennes, se lièrent avec le Garde des Sceaux, et formèrent un parti qu'on appella le parti du Roi. D'autres, notamment MM. de Ségur et de Breteuil, furent réputés (être) du parti de la Reine». - *Darnton R. The memoirs of Lenoir, lieutenant de police of Paris, 1774-1785 // The English Historical Review. 1970. Vol. LXXXV. N 336. P. 543.*

⁵¹ См.: *Price M. Preserving the Monarchy: The Comte de Vergennes, 1774-1787. Cambridge, 1995.*

⁵² *Egret J. Op. cit. P.137-138; Adams G. Op. cit.*

⁵³ «Peser, dans sa sagesse, les moyens les plus sûrs de donner un état civil aux Protestants». - *Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle. 3 vol. P., 1888-1898 / Publ. par J. Flammermont. T. 3. P. 694-695. Обращение Р. де Сен-Венсана см.: Bulletin historique et littéraire de la Société de l'histoire du protestantisme français. Vol. 1856-1857. P. 423-444).*

Ларошфуко, маркиза де Лафайета и племянника Мальзербэ епископа Лангрского монсеньера де Ла Люзерна.

Тем временем был отправлен в отставку хранитель печатей Миромениль, еще раньше скончался граф де Верженн, и в правительстве больше не осталось явных противников нового закона о протестантах. В результате король внял аргументам сторонников веротерпимости, и в ноябре 1787 г. подписал эдикт.

Но какой точки зрения придерживался в этих спорах сам Людовик XVI? Была ли ему близка идея веротерпимости или сторонникам нового закона стоило больших усилий переубедить короля? Судить обо всем этом приходится по косвенным данным. В самом раннем сочинении – размышлениях о беседах со своим воспитателем герцогом де Ла Вогийоном – юный дофин Людовик-Август, будущий Людовик XVI неоднократно ссылался на божественную природу королевской власти⁵⁴. Но при этом о короле как образе Всевышнего он вскользь упомянул лишь однажды⁵⁵ и еще один раз уподобил королевское правосудие Божьему суду, заявив, что оно должно быть таким же беспристрастным и милосердным⁵⁶. Главное место в его рассуждениях о королевской власти занимал образ короля – отца большой семьи подданных и главы нации⁵⁷. Набожности он тоже уделял первостепенное внимание, но рассуждал о ней исключительно как о личном качестве монарха, призванного в безбожный век подавать пример благочестивого и достойного поведения⁵⁸. Таким образом, в этих рассуждениях будущего короля не было ничего такого, что принципиально противоречило бы идее веротерпимости. Правда, в самом начале царствования он отверг предложения Тюрго упростить обряд коронации и убрать все слова, отмеченные духом религиозной нетерпимости, из коронационных клятв. Однако трудно судить, было ли это с его стороны проявлением верности принципу монархии Божественного права или просто данью традиции. Примечательно, что, настояв на проведении церемонии коронации в максимальном соответствии с традицией и совершив после этого – опять-таки по традиции – обряд исцеления золотушных, Людовик XVI больше ни разу в жизни не пожелал выступить в роли короля-чудотворца.

Как бы то ни было, при всей своей безусловной набожности он согласился с аргументацией сторонников веротерпимости. Впоследствии он по собственной инициативе предложил Мальзербу заняться проблемой гражданского статуса евреев. По свидетельству современника, после одобрения Королевским советом эдикта о статусе протестантов, король сказал Маль-

⁵⁴ *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon par Louis-Auguste, Dauphin // Oeuvres de Louis XVI. T. 1. P., 1864. P. 212, 241.*

⁵⁵ *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon, par Louis-Auguste, Dauphin (Louis XVI) / Introd. par M. de Falloux. P., 1851. P. 52.*

⁵⁶ *Réflexions sur mes entretiens... (1864). P. 201.*

⁵⁷ *Réflexions sur mes entretiens... (1851). P. 19, 37-38, 91.*

⁵⁸ *Réflexions sur mes entretiens... (1864). P. 300.*

зербу: «Господин де Мальзерб, вы сами решили сделаться протестантом; теперь я назначаю вас евреем: займитесь ими»⁵⁹. Похоже, что в решении протестантского вопроса Людовик XVI, скорее, готов был согласиться с «модернизаторами», чем с «традиционалистами». Но, вместе с тем, ему явно был дорог традиционализм как таковой: он хотел править в соответствии с традициями. Именно поэтому Мальзербу и барону де Бретею пришлось потратить добрую половину своих представленных королю сочинений на заверения, что веротерпимость будет продолжением политики Людовика XIV и его предшественников, а преследование иноверцев, напротив, эту традицию нарушало.

Основным автором эдикта о протестантах явился Мальзерб, который в 1787 г. был призван в Королевский совет и получил ранг государственного министра. Наряду с ним, в составлении законопроекта участвовали де Бретей и радикальный борец за права протестантов пастор Ж.-П. Рабо Сент-Этьен, в принципе отвергавший государственную религию и выступавший за полную свободу культов. Составленный ими документ официально назывался «Эдикт, касающийся тех, кто не исповедует католической веры»⁶⁰. Но, несмотря на столь обобщающее название, в тексте речь шла не обо всех религиозных меньшинствах, а, главным образом, о протестантах. В преамбуле эдикта использована характерная для Мальзерба естественноправовая аргументация. В настоящее время, - говорится в тексте, - протестанты во Франции «лишены всякого законного статуса» (*dépouillés de toute existence légale*), что совершенно недопустимо, так как нельзя наказывать людей, «лишая их прав, которые сама природа требует им вернуть»⁶¹. Теперь настало время «положить конец этим опасным противоречиям между естественными правами и предписаниями закона»⁶².

Эдикт закреплял за католической религией статус государственной, и по-прежнему только католики имели право на публичное отправление культа. Что же касается не католиков, то они получили право на законный гражданский статус: «Другие наши подданные-не католики, лишённые всякого влияния на порядок работы наших штатов, заранее и навеки объявленные неспособными образовать корпорацию в нашем королевстве, подчинённые общим правилам в том, что касается проведения праздников, получают по закону лишь то, в чем естественное право не позволяет нам им отказать: возможность засвидетельствовать рождение, брак и смерть и пользоваться, подобно всем прочим нашим подданным, следующими из

⁵⁹ *Grosclaude P. Op. cit. P. 631.*

⁶⁰ *Edit concernant ceux qui ne font pas profession de la religion catholique // Recueil général des anciennes lois françaises. T. 28. P. 472-482.*

⁶¹ «En les privant des droits que la nature ne cesse de réclamer en leur faveur» - *Ibid. P. 473.*

⁶² «De mettre un terme à ces dangereuses contradictions entre les droits de la nature et les dispositions de la loi» - *Ibid.*

этого гражданскими правами»⁶³. За некатоликами признавалось также право владеть имуществом, заниматься торговлей, ремеслами и – в первоначальном варианте - любыми профессиями. Эдикт запрещал протестантским пасторам вести регистрацию актов гражданского состояния своих единоверцев. Для регистрации брака, рождения ребенка или смерти протестанты могли обратиться по желанию либо к приходскому священнику католической церкви, либо в государственное учреждение – канцелярию суда.

Первый раз эдикт был представлен на регистрацию в Парижский парламент 19 ноября 1787 г. Открывая заседание парламента, король в своей речи соединил клятву хранить католическую веру с естественноправовой риторикой в духе Мальзерб: «Я всегда буду хранить, неизменно и безраздельно оберегая, святую веру, в которой Бог дал мне счастье родиться, и я не позволю, чтобы в моем королевстве ей был нанесен наималейший ущерб. Но я полагаю, что она сама повелевает мне не оставлять часть моих подданных лишенными их естественных прав и того, что позволяет им общественное состояние»⁶⁴.

В ходе обсуждения эдикта в Парижском парламенте большинство судей поддержало документ. В поданной королю ремонстрации эдикт в принципе одобрялся и предлагалось несколько поправок. В ремонстрации парламент развивал свою концепцию нации как сообщества граждан, наделенных естественными правами, и решительно возражал против употребленного в первоначальном варианте королевского эдикта термина «прерогатива гражданского состояния» (*prérogative de l'état civil*): «Слово прерогатива несет в себе идею отличия или превосходства, несовместимую с разумными и необходимыми исключениями. То, что Ваше Величество позволяет этим законом некатоликам, есть исполнение естественного права, а не пожалование прерогативы»⁶⁵. В то же время, парламент настаивал

⁶³ «Nos autres sujets non catholiques, privés de toute influence sur l'ordre établi dans nos états, déclarés d'avance et à jamais incapables de faire corps dans notre royaume, soumis à la police ordinaire pour l'observation des fêtes, ne tiendront de la loi que ce que le droit naturel ne nous permet pas de leur refuser, de faire constater leurs naissances, leurs mariages et leurs morts, afin de jouir, comme tous nos autres sujets, des effets civils qui en résultent». - Recueil général des anciennes lois françaises. T. 28. P.473.

⁶⁴ «Je maintiendrai toujours, par la protection la plus constante et sans partage, la religion sainte dans laquelle Dieu m'a fait le bonheur de naître, et je ne permettrai pas qu'elle souffre le plus léger affaiblissement dans mon royaume. Mais je crois qu'elle me commande elle-même de ne pas laissez une partie de mes sujets privés de leurs droits naturels, et de ce que l'état de société leur permet ». - Archives parlementaires de 1787 à 1860. 1ère série. T. 1. P., 1879. P. 264-265).

⁶⁵ «Le mot de prérogative emporte avec lui une idée de distinction ou de prééminence inconciliable avec des exclusions raisonnables et nécessaires. Ce que V.M. permet par cette loi aux non-catholiques est l'acquiescement d'une dette de droit naturel, et non la concession d'une prérogative ». - Remontrances sur l'édit donnant un état civil aux non-catholiques, 20 janvier 1788 // Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle. T. 3. P. 696.

на большем ограничении прав иноверцев, чем это было предусмотрено первым вариантом закона. Так, в ремонстрации содержалось требование дополнить статью о праве не католиков заниматься торговлей, ремеслами и другими профессиями. По мнению составителей ремонстрации, следовало запретить не католикам преподавать и занимать судебские должности⁶⁶.

Правительство приняло поправки, предложенные Парижским парламентом. Новый текст был представлен на регистрацию 29 января 1788 г. и одобрен большинством в 96 голосов против 17, 10 членов парламента ушли с голосования⁶⁷. Провинциальные парламента в большинстве своем последовали примеру Парижского и зарегистрировали ноябрьский эдикт 1787 г. с некоторыми оговорками или вообще без таковых. Только три парламента отказались зарегистрировать эдикт: парламента Бордо, который с июля 1787 г. находился в ссылке и вообще не регистрировал никаких законов, и парламента Безансона и Дуэ, непреклонные в защите позиций католической церкви. В двух последних случаях эдикт был принудительно зарегистрирован в мае 1788 г.⁶⁸

Собравшаяся в 1788 г. генеральная ассамблея французского духовенства составила королю протест против эдикта о гражданском статусе протестантов. Духовенство сетовало на то, что «видно чрезвычайное брожение в диоцезах. Реформаты открыто заявляют, что их пасторам предоставлена свобода, что они могут проводить собрания и что исключительным правом католической религии остается лишь великолепие пышного национального культа». Духовенство обращало внимание короля на то, что религиозное единство «соответствует нравам и характеру французов – верных друзей короля и монаршей власти. Вам известно, Сир, что католическая религия неразрывно связана с французской монархией, и вот уже на протяжении тысячи трехсот лет она не перестает быть государственной религией. Каждый новый суверен при венчании на царство торжественно обещает Богу и своему народу хранить католическую веру и беречь подвластные ему земли от ереси». Наконец, духовенство предостерегало короля против пагубных последствий недавно изданного эдикта: «Обращения [в католицизм] станут более редкими, а вероотступничество участится. Грубый деревенский народ, видя терпимость по отношению ко всем религиям, возомнит, что можно встать под другие знамена и таким образом освободиться от тяжелых обязанностей, налагаемых католической церковью, от груза исповеди и бремени поста. И еще гораздо стремительнее этот поворот совершится в городах, посреди ужасающего безверия и безнравственности!»⁶⁹

⁶⁶ Ibid. P. 697.

⁶⁷ Ferrand A.-F.-C., comte. Mémoires du comte Ferrand, ministre d'Etat sous Louis XVIII / Publ. par le vicomte de Broc. P., 1897. P. 20-22 ; Egret J. Op. cit. P. 139.

⁶⁸ Egret J. Op. cit. P. 142-143.

⁶⁹ Цит. по: Chassin Ch-L. Le génie de la Révolution. 2 vol. P., 1865. T. 2. P. 177-185.

Примечательно, однако, что ревностные защитники католицизма как государственной религии в обоснование своей точки зрения всякий раз выдвигали чисто *утилитаристскую* аргументацию. Так, по мнению министров из «партии короля» Миромениля и Верженна, задача государственной религии состоит в том, чтобы держать подданных в повиновении и обеспечивать порядок в стране, тогда как свобода культов может привести к беспорядкам. Они защищали католическую церковь не потому, что для них она была единственной истинной церковью, а потому, что видели в ней пользу для государства. И при этом ни один из них не упоминал о божественной природе власти монарха.

Охранительная позиция духовенства, нашедшая отражение в тексте его обращения к королю, близка к той, которую занимали Миромениль и Верженн. Речь здесь тоже шла о защите государственной религии, необходимой для поддержания порядка, а не о монархии Божественного права и истинной церкви.

* * *

Таким образом, в ходе дискуссий о статусе протестантов, развернувшихся в 1780-е годы, выявились серьезные идейные разногласия среди министров короля. Миромениль и Верженн из «партии короля» выступили защитниками позиций католической церкви, де Бретей и Ломени де Бриенн из «партии королевы» - сторонниками веротерпимости и светского государства.

Позиция самого короля в решении этого вопроса выглядит противоречивой. С одной стороны, глубокая набожность и уважение к традициям делали его верным покровителем католической церкви. С другой, - осознание своей миссии как, главным образом, отеческой предполагало заботу о правах всех подданных, включая и некатоликов. В конечном счете, это противоречие было разрешено в пользу веротерпимости.

Мнения по протестантскому вопросу, высказанные представителями французской правящей элиты, вполне можно рассматривать как свидетельство происходившей в их сознании десакрализации монархии. Даже те, кто в ходе дискуссии отстаивали наиболее традиционалистскую точку зрения и отвергали религиозную терпимость, не выступали с позиций защиты монархии Божественного права и истинной веры.